

УДК 801.52; 81.367; 81. 373

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-3-55-60

Д. М. Хучбарова

Концепт СМЕРТЬ в зеркале паремиологических картин мира дагестанских языков

*Военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого; 143900, Россия, Московская область, Балашиха, ул. Карбышева, 8;
Khuchbarova2710@mail.ru*

Аннотация. В статье в лингвокультурологическом аспекте рассматриваются паремиологические образы ряда дагестанских языков, связанные с актуализацией концепта «смерть». Обращается внимание на такие составляющие внутренних паремиологических образов, как противопоставление оппозиции «рождение человека (*радость*) – смерть человека (*печаль, слезы*)», «неизбежность смерти» (*воля Всевышнего*), «персонификация смерти», «достойная смерть», «смерть храброго и трусливого человека», «символика смерти», «религиозный код культуры». На материале паремиологических единиц (=пословиц и поговорок) ряда дагестанских языков показана образно-ассоциативная связь между концептами «жизнь» и «смерть» (смерть должна быть неизбежным и естественным концом достойной жизни человека, чтобы и после смерти сохранялось его добroе имя). Рассматриваются отдельные национально-культурные паремиологические образы, историко-этимологическая основа которых, по преданиям, связана с конкретными историческими фактами, мотивирующими соответствующие паремиологические образы смерти человека. При обосновании паремиологических образов обращается внимание на менталитет носителей языков, образно-ассоциативное осмысление паремиологических образов смерти в языковом сознании лингвокультурного сообщества и религиозно-антропный код культуры.

Ключевые слова: дагестанские языки, паремиологические единицы, концепт «смерть», языковая картина мира, менталитет, гендер, языковая символика, национально-культурные компоненты.

Постановка проблемы

Паремиологические единицы, под которыми в данном случае нами понимаются пословицы и поговорки, как известно, являются яркими фрагментами национальных языковых картин мира. Являясь продуктом народного интеллектуального и образно-эмоционального осмысления окружающего мира, коллективного опыта и творчества, пословицы и поговорки актуализируют различные концепты, связанные с разными сферами жизни. В большинстве случаев пословицы и поговорки прямо или косвенно выполняют инструктивные (поучительные) функции. Они у всех народов являются языковыми знаками определенных ситуаций, которые каждым народом осмысливаются по-разному [8, с. 117]. Из таких концептуальных ситуаций, как утверждается в научных работах лингвокультурологического характера, в качестве важнейших понятий в осмыслении человеческого бытия выступают понятия «жизнь» и «смерть» [7, с. 113]. В образах дагестанских пословиц и поговорок отражено обусловленное мусульманской религией и менталитетом носителей языка отношение к ситуации «смерти».

Актуальность проблемы связана с тем, что в целом в дагестанской паремиологической картине мира концепт СМЕРТЬ исследован недостаточно. Лишь в единичных публикациях по отдельным дагестанским языкам рассматриваются некоторые соб-

ственno лингвистические и лингвокультурологические особенности концепта СМЕРТЬ [5] или же близкие (пограничные) по тематике проблемы [3].

В дагестанских национальных языковых картинах мира концепт СМЕРТЬ, объединяющий паремиологические образы, соотносительные с разными кодами культуры, достаточно значим как в лингвистическом, так и лингвокультурологическом аспектах, что свидетельствует об актуальности проблемы, поднимаемой в данной статье.

Результаты анализа

В рамках концепта «жизнь человека» в плане его биологического существования понятия «рождение» и «смерть» определяют *начало* и *конец* жизни, с которыми связаны соответствующие паремиологические (=пословично-поговорочные) образы в качестве фрагментов языковой картины мира. Так, например, в дагестанской паремиологической картине мира рождение человека символизирует радость, а смерть – горе, слезы.

В качестве такого непосредственно оценочного противопоставления *рождения* и *смерти* человека служит, например, аварская поговорка *Гъавуралъул роххула, хваральул əлодула* «Когда рождается [человек] радуются, когда умирает – плачут», образ которой перекликается с паремиологическим образом арчинского языка *Овмухур ҳхвара-кер, къамхур пашман-кер* «При рождении [человека] радуются, при смерти – печалятся». В целом такие образы отражают обрядовые ситуации [*радость – печаль*], связанные с рождением и смертью человека.

Как показывает материал исследования, одной из особенностей концепта СМЕРТЬ в дагестанской паремиологической картине мира является персонификация смерти:

ав. *Хвел нильеда хадуб чъун буго* «Смерть за нами стоит». (ср. арч. *Ижал ссоннис харак обсдина бикирер* «Смерть за спиной стоит» – букв. «стоя бывает» [говорят]). *Хъулал рахъ-рахъалде щущан, хвел – чан къан* «Мечты повсюду ходят, [а] смерть – охотником ходит»; арч. *Ижал цӏихха-эттина барлIиртly* «Смерть приходит не спросив».

Такая персонификация смерти связана с актуализацией ситуации «смерть стоит недалеко от человека», она «сторожит» его, следовательно, она неизбежна (ср. в рус. *От смерти не посторонишься. От смерти и под камнем не укроешься*).

Стоя за спиной человека, смерть как бы «подталкивает» его к неизбежному концу. В рассматриваемых нами паремиологических образах дагестанских языков утверждается мысль, что смерть – это воля Всевышнего, поэтому необходимо смириться: ав. *Холарев чи вукIунарев, холареб цӏар букIунараб* «Бессмертного человека не бывает, бессмертного имени не бывает». *Гъикъун херльуларел, гъикъун холарел* «Старость и смерть приходят без спросу» [человек не имеет возможности спросить, когда ему постареть и умереть].

Смерть, как и рождение, – воля Всевышнего: *Хвалида цере члезе бегъуларел* «Перед смертью стоять [чтобы ее предотвратить] невозможно»; *Хъул халатабила, хвел əлагарабила* «Мечты длинные [говорят], смерть близко (=рядом) бывает [говорят]»; арч. *Аллагылин ижал, латикейтly ачуттут нацI имly* «Смерть – предписание Аллагъя, от нас ничего не зависит» [предотвратить ее невозможно]; *Ижал къвеIйла барлIиртly, баIхъаImтубу баIкъаIс-абас бекертly* «Смерть дважды не приходит, если пришла – не прогонишь» (букв. «назад вернуть невозможно»). *Ижаллис гъарак оцис кертly* «Перед смертью стоять невозможно». *Ижалликъии янсав адам хустар-эттимly* «От смерти еще никто не спасся». *Ижал баIхъаIнчиши, петмукълак акIушав хер-битly* «От смерти [даже] в сундуке [закрытом на замок] не спрячешься». *Ижалликъии йансав адам ху-*

стар-эттитIу «От смерти еще никто не спасся» [11, с. 79]; таб. *Аъжализ мажал адар* [2, с. 31] «Смерти недосуг [смерть ждать не будет], лак. *Ажал бивуун, цуманагу ив-чайссар* «Когда судьба настигает, любой умирает». *АЗаргу, ажалгу мажалданух ялугълай къябикIайссар* «От болезни и смерти пощады не бывает». *ИкъавчIан лявлъума акъассар* «Никто не родился, чтобы жить вечно».

Рассматривая паремиологические образы с религиозным кодом культуры в дагестанских языках, в том числе образы, формирующие концепт СМЕРТЬ, М. А. Гасанова отмечает, что в них смерть выступает в качестве неизбежной силы, требующей от человека смирения и покорности, но при этом посредством данных паремиологических образов выражается философское отношение к уходу из жизни [9, с. 22]. По исламским религиозным понятиям, в смерти нет ничего не предписанного свыше. Это жизнь в другом, безгрешном и чистом мире.

В отдельных дагестанских языках для актуализации идеи *смерти* используются паремиологические образы с зооморфным кодом культуры, о чем свидетельствуют соответствующие пословицы в табасаранском языке: *Аъжал хътубкуу битI рякъун къяд'ина удубчIеуру* «Когда приходит время смерти, змея на середину дороги выползает». *Аъжал хътубкуу хуйи, эйсийин шаламар гъахуру* «Когда смерть подступает, собака чарыки хозяина уносит» [2, с. 31].

Смерть неизбежна [такова воля Всевышнего], но и торопиться за умершими не следует, так как жизнь тоже дана Всевышним, её тоже нужно прожить:

Хваразда хадур чагоял рильгине бегъуларел (ав.). «За мертвыми живым не следует идти». *Чагуттимай дунил ас кваршар* (арч.) «Живые должны жить» (букв. «строить жизнь»); *Кватту эвльухъи, витту баргъухъи* (арч.). «Умершего похороним, о живом позаботимся». *Ижал балхъалмIав адам кIартIу* «Если смерть не пришла, никто не умрет» (в смысле «не следует гнаться за смертью, она неизбежна и придет сама» [10, с. 93]; лак. *ИвкIуманал хъирив уттавама гъаттавун къауххайссар* «За мертвым живой в могилу не заходит».

Такие паремиологические образы, актуализированные другими символическими языковыми средствами в качестве культурных кодовых знаков, встречаются в разных дагестанских языках, например, в даргинском: *Ажал ахIенси дарман агарси изала агара* «От всего, кроме смерти, есть лекарства» [2, с. 14.]; ср. в арч. *Ижаллис дуру бикиртIу* «От смерти лекарства не бывает» [11, с. 80].

Паремиологические единицы аварского языка, как и других дагестанских языков, актуализируя мысль о неизбежности и естественности смерти (ср. *Хваразе гурони, чагоязе хоб бухъунаreb* «Могилу копают не для живых, а для мертвых»), утверждают конфессиональную идею о том, что после смерти все равны [в этом есть как бы справедливость, которой нет в мирской жизни]:

Бечедавги мисгинавги хвараб мехаль цольулел «И богатый, и бедный после смерти одинаково равны» (букв. «одинаковыми становятся»): ср. арч. *Марчимес йархулкул том дуниллит, кIамхур, икирттут* «Справедливость для всех на том свете, после смерти, бывает»; дарг. *Давлачевлира мискиннира хIяри архути цадехI капан сари* «И богач, и бедняк в могилу забирают один саван» [2, с. 175].

В связи с тем, что смерть воспринимается как форма продолжения жизни [душа не умирает], в аварском языке используются паремиологические образы, в которых актуализируются благопожелания достойной мирской жизни и благополучной загробной жизни. В таких паремиях употребляются специфические глагольные формы с формантом *-ги* со значением пожелания:

Ниль хөзеглан чилыи хөгөги «Пока мы не умрем, пусть достоинство не умрет». Ахир лъикIаб ккаги «Конец [жизни] пусть достойным будет». Дунялалъул ахир битIаги, ахираталъул авал битIаги «[Мирской] жизни конец пусть хорошим будет (букв. «правильным»), в загробной жизни пусть начало будет хорошим». Херльи бихьичIого, ѹивго хөгөги «Не состарившись, пусть никто не умрет» [1, с. 441]. Такие паремиологические единицы, соотносительные с религиозным кодом культуры, носят молитвенный характер, с чем и связано употребление в их структуре глагольных форм со значением пожелания.

К маскулинным качествам в дагестанском менталитете относятся смелость, бесстрашие, мужское достоинство,ственные настоящему мужчине. Соответственно в паремиологических образах актуализируется и усиливается образ бессмертного героя путем его сопоставления с образом труса:

БахIарчи хвани, цар хутIулеб, цукIа хвани, рогъо хутIулеб «Если герой (=храбрец) умирает, его имя (=слава) остается [герой продолжает жить в памяти людей], если трус умирает, позор остается» (в образе используются антонимические противопоставления бахIарчи «храбрец» – цукIа «трус», цар «имя, слава» – рогъо «позор»). БахIарчиясе разIи хвей – живго хвей гладаб жо кколеб «Для героя не сдержать слово [букв. «умереть его слову»] то же, что умереть самому». Хинкъарав къойил хола, къвакIарав џоцIул хола «Грус каждый день умирает, храбрец один раз умирает». БахIарчи къалда хола, халихъат боснов хола «Храбрец на войне погибает, трус в постели умирает» (сопоставительный образ усиливается противопоставлением форм къалда «на войне» – боснов «в постели»). БахIарчи цин хола, халихъат анџIул хола «Храбрец умирает один раз, подлец умирает десять раз». БахIарчи чол къолонив хола «Храбрец в седле лошади (=воюя на коне) умирает».

Отдельные аварские паремиологические образы такого характера актуализируются на компаративной основе гендерного характера: ЦукIа къойил холевила, чужсу-гладан, росас тIаде џоги чужсу ячараб мехаль, холейила «Трус [говорят] каждый день умирает, [а] женщина, когда муж вторую жену берет, умирает [говорят]».

Паремиологические образы утверждают еще одну важную мысль: если суждено умереть, то и не следует смерти бояться, о чем свидетельствуют следующие паремии табасаранского языка: ЙикIуб йикIуб ву, хъа гучI апIуб фу ву? «Смерть так смерть, а что значит [зачем] бояться?» Смерть должна быть достойной, а не жалкой: ЙикIурушира, чIуру гъяпафийн даричIри «Если уж умереть, то не от плохого кинжала» [2, с. 98]. Отсутствие страха умереть отчасти объясняется пониманием того, что она все равно неизбежна и предписана свыше уже при рождении человека. В какой-то степени смерть в отдельных паремиологических образах философски интерпретируется как благо (счастье), даруемое Всевышним, как и жизнь: Гумруги талихIила, хвелги талихIила (ав.) «И жизнь – счастье, и смерть – счастье [говорят]». Усиливается такое утверждение, когда смерть естественно наступает по старости: Хала-эттина кIимкIмул доIзуб талахI (арч.) «Смерть по старости – большое счастье».

Еще одна мысль, которая репрезентируется посредством дагестанских паремиологических образов, составляющих концепт СМЕРТЬ, – это деактуализация материального благосостояния (=богатства) в этом бренном мире: оно по сравнению с добрыми поступками человека и его достоинством ничего не стоит, и стремиться к нему в жизни не следует: Харааб мехаль, цадахъ щибниго босуларо» (ав.) «Когда [человек] умирает, ничего с собой не забирает». Киватту, икIен акъуна, уIрхъиIр (арч.) «Умерший, все оставил, уходит». Хос ишик аркъар, нентIу тениши оIрхъиIр (арч.) «Богатство здесь [в этом мире] остается, мы [же] туда [в иной мир] уходим» (использована символическая

оппозиция *ишик* «здесь» – *теник* «там» для противопоставления ценностей двух миров). *Давлачевлира мискиннира хIяри архуты цадехI капан сари* (дарг.) «И богач, и бедняк в могилу забирают один саван» [2, с. 175], лак. *Ивклинал цацала гъаттавун цичIав къаласайссар* «Умерший с собой в могилу ничего не берет».

М.А. Гасанова, характеризуя образы табасаранских паремиологических единиц, составляющих фрагменты языковой картины мира, отмечает, что в них «нравственность, морально-этические ценности ставятся выше материальных благ» [2, с. 22].

В отдельных дагестанских языках встречаются национально-культурные паремиологические образы, связанные с концептом СМЕРТЬ: ср. в таб. *Аъжал ккунир Цудихъна гъараҳри* «Кто ищет смерти, пусть идет в Цудик»: паремиологический образ связан с преданием о том, что в табасаранском селе Цудик от ударов молний погибло много людей [2, с. 31]. *Аъжал ккундуши, Мегъти гъулаз гъарақ* «Если хочешь смерти, иди в Мехти» (историко-этимологическая основа образа связана с селом Мехти, в котором, по преданию, иссякли все источники воды) [2, с. 31]. Такие паремиологические единицы с национально-культурными компонентами встречаются в разных дагестанских языках, и они могли бы стать предметом специального исследования.

Заключение

Все отмеченное свидетельствует о том, что паремиологические образы дагестанских языков, формирующие концепт СМЕРТЬ, отличаются рядом особенностей.

1. В дагестанских языках концепт СМЕРТЬ [человека], актуализируемый средствами паремиологических единиц, образует единое лингвокультурное пространство.

2. Концепт СМЕРТЬ характеризуется такими составляющими, как неизбежность, печаль, персонифицированность, возможность оставить свое доброе имя, отсутствие страха умереть. В соответствии с религиозными представлениями рождение и смерть человека трактуются как некоторое благо со стороны Всевышнего, подарок судьбы. Чтобы это понять и почувствовать необходимо достойно жить и спокойно умереть.

3. Концепт СМЕРТЬ соотносится с разными кодами культуры и отчасти формируется национально-культурными паремиологическими образами, являющимися языковыми знаками определенных ситуаций.

4. Для актуализации идеи смерти после достойно прожитой жизни в структуре паремиологических единиц используются экспрессивно-оценочные антонимические противопоставления.

Литература

1. Аварские пословицы и поговорки: словарь / сост. З. Алиханов, С. Алиханов. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2012. 584 с.
2. Гасанова, М. А. Словарь табасаранских пословиц и поговорок / М. А. Гасанова. Махачкала: Издательство ДГУ, 2014. 208 с.
3. Гасанова, М. А., Магомедалиева, М. Ф. Концепты «милость» и «милосердие» в исламском дискурсе / М. А. Гасанова, М. Ф. Магомедалиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 38, вып. 3. С. 40–45.
4. Гасанова, У. У. Словарь даргинских пословиц и поговорок / У. У. Гасанова. Махачкала: Издательство ДГУ, 2014. 262 с.
5. Магомедова, А. Н. К вопросу о концепте «смерть» в разносистемных языках (на материале русских и аварских паремиологических единиц) / А. Н. Магомедова //

Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 2 (23). С. 95–98.

6. Мисиева, Л. А. Религиозный код культуры в аварских антропоцентрических паремиях / Л. А. Мисиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 37, вып. 4. С. 64–69.

7. Нарушевич, А. Г. Образ смерти в русской языковой картине мира (на материале пословиц и поговорок) / А. Г. Нарушевич // История языкоznания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. Ростов-н/Д – Адлер, 2003.

8. Панина, Л. С. Пословица как источник этнокультурной лингвистической информации (на материале пословиц народов, живущих в Оренбургской области) / Л. С. Панина // История языкоznания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. Ростов-н/Д – Адлер, 2003.

9. Религиозный код культуры в дагестанской паремиологической картине мира / сост. М. А. Гасанова. Махачкала, 2023.

10. Самедов, Д. С., Магомедова, А. Н. Концепт «смерть» в русской и аварской языковых картинах мира (на материале русских и аварских паремиологических единиц) / Д. С. Самедов, А. Н. Магомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкоznания. Вып. VI. Махачкала, 2012. 204 с.

11. Самедов, Д. С., Магдилова, Р. А. Словарь арчинских пословиц и поговорок / Д. С. Самедов, Р. А. Магдилова. Махачкала: Издательство ДГУ, 2017. 211 с.

Поступила в редакцию 12 апреля 2024 г.
Принята 22 апреля 2024 г.

UDC 801.52; 81.367; 81. 373

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-3-55-60

The Concept of DEATH in the Mirror of Paremiological Worldview of Dagestan Languages

D. M. Khuchbarova

Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great; Russia, 143900, Moscow Region, Balashikha, Karbysheva st., 8; Khuchbarova2710@mail.ru

Abstract. The article examines the paremiological images of a number of Dagestan languages related to the actualization of the concept of DEATH in the linguistic and cultural aspect. Attention is drawn to such components of internal paremiological images as the opposition "the birth of a man (joy) – the death of a man (sadness, tears)", "the inevitability of death" (the will of the Almighty), "personification of death", "worthy death", "death of a brave and cowardly man", "symbolism of death", "the religious code of culture". Based on the material of paremiological units (= proverbs and sayings) of a number of Dagestan languages, the figurative-associative connection between the concepts of LIFE and DEATH is shown (death should be the inevitable and natural end of a decent human life, so that the glory of a person and his name will remain after death). Separate national and cultural paremiological images are considered, the historical and etymological basis of which, according to legend, is associated with specific historical facts that motivate the corresponding paremiological images of human death. In substantiating paremiological images, attention is drawn to the mentality of native speakers, the figurative and associative understanding of paremiological images of death in the linguistic consciousness of the linguistic and cultural community and religious codes of culture.

Keywords: Dagestan languages, paremiological units, the concept of DEATH, the linguistic worldview, mentality, gender, linguistic symbolism, national and cultural components.

Received 12 April, 2024
Accepted 22 April, 2024